Я замер, уставившись на символ. Меня спасло только то, что его взгляд был устремлен на мешочек, а не на мое лицо. Я молча сетовал на свою удачу. Насколько невероятным было постоянное столкновение с этими придурками?

Потом я задумался. Людям не очень-то рады в анклаве, о чем говорило мое нынешнее положение. Барион, хоть и не был похож на человека, но, несомненно, был человеком. Логично, что у него были здесь контакты, и что инферналы, учитывая их магические способности, могли принимать в этом какое-то участие. Возможно, Майя была выбрана просто в силу знакомства с этим инферналом.

Я взял мешочек, но есть не стал. Запах доводил меня до грани безумия. Но я слишком хорошо знал, как просто было бы отравить что-то подобное и использовать соль, чтобы скрыть вкус. Проявив, пожалуй, больше самообладания, чем за всю свою жизнь, я опустил мешочек на пол.

Мортус поднял бровь. — О? Я думал, ты проголодался.

Так и было. Боги, как же хотелось есть.

— Простите. Я немного не в себе.

— И ужасный лжец, но я не буду обращать на это внимания, — со знанием дела сказал Мортус. Он потянулся к мешочку, и меня охватил первобытный страх, что еду заберут — отравленную или нет. Но вместо этого он просто взял небольшую горсть орехов и положил мешок обратно, громко похрустывая съел их.

Это было все, что требовалось. Я съел мешочек орехов за несколько секунд, содрогаясь от удовольствия. Едва разжеванные орехи, проскальзывая в отвыкшее от еды горло, царапали его, но меня это не волновало. Он терпеливо ждал, пока я ел, непринужденно информируя меня о произошедших событиях за время моего отсутствия. У него была внятная, неторопливая манера говорить, напомнившая мне актера в пьесе.

Инфернальный совет зашел в тупик при решении вопроса о том, что со мной делать. Одна треть решила, что это ловушка, и хотела отослать меня подальше, чтобы избежать риска новой войны, другая треть проявляла осторожный интерес, а оставшаяся треть требовала моей казни. Время для прибытия было не самым удачным, так как они в это время разбирались с демоническим легионом, вышедшим из-под контроля.

— Если позволите спросить, — сказал я, стыдливо вытирая рот рукавом, — к какому лагерю относитесь вы?

— Ну. Я не являюсь авторитетом, когда дело доходит до принятия решений. Они уважают мое мнение как старейшины и мага, но политика никогда не была моей стихией.

— Значит, у вас нет своего мнения?

— Именно поэтому я здесь. Чтобы сформировать его. — Он покачал головой. — Люблю Неттари и Кильвиуса, но о чем-то подобном я должен судить сам.

— Кильвиуса?

— Муж Неттари, — сказал Мортус. — Он красный, но нам он все равно нравится.

— Понятно. А что бы вы хотели узнать? — осторожно спросил я.

— Многое. Больше всего хочется увидеть пламя Данталиона своими глазами. Были доклады, но прошло так чертовски много времени. — Сказал он, расстроенный. — Но не похоже, что ты можешь проявить его здесь…

Мортус прервался, когда я вызвал искру. Как обычно, она угасла через несколько секунд, и пол подо мной засветился. Он поднял бровь. — Ты… не должен быть способен на это.

— Это длится недолго.

— Нет. Мортус покачал головой, недоумевая. — Ты вообще не должен иметь возможности делать это здесь. Возможно, что-то не так с панелями. — Он вытянул руку, пальцы сложились в омут. Его ладонь коротко засветилась голубым светом, и я почувствовал вспышку холода, а затем она исчезла, впитавшись в пол. — Очаровательно. — Он посмотрел на меня.

— Это выглядело похоже.

— Да, но я занимаюсь этим немного дольше, чем ты. — Его длинные ногти постукивали по полу. — Их дочь сказала, что ты сильно продвинулся для необученного, но, честно говоря, я решил, что девушка скажет что угодно, лишь бы вытащить тебя.

Возможно, так и есть.

— Итак. — Он наклонился вперед. — Каковы твои намерения?

Я немного растерялся, не зная, как ответить. Я мало что знал о группе Бариона, кроме того, что они аморальны, беспринципны и как-то связаны с Тотой. Однако после некоторых размышлений не было уверенности, что они активно работают с ней. Она убила герцога и говорила о Барионе так, словно он был скорее жуком, которого следовало раздавить под пяткой, чем союзником.

— Я пришел, чтобы…

— Вернуть украденное, — перебил Мортус, закатив глаза. — Да, да. Надо быть глухим, чтобы не узнать о твоем маленьком представлении у ворот. Очень воодушевляет. Но зачем ты здесь на самом деле?

О том, чтобы обсуждать мои видения или нападение, не могло быть и речи. Но, вероятно, лучше было быть правдивым.

— Очевидно, частично, чтобы учиться.

— Очевидно.

— По правде говоря, я не согласен с методами моего отца. Наш народ только выиграет от сотрудничества, и я намерен починить врата измерения в качестве первого шага к этому.

Мортус вздохнул. — И в этом кроется проблема.

— Какая проблема?

— Все слишком хорошо сходится. Сын врага, пришедший к нам с магией, необходимой для того, чтобы вернуть нашему обществу былую славу? Это попахивает ловушкой.

Это на мгновение выбило меня из колеи. — Вы хотите сказать, что предложение слишком выгодное?

— Несомненно. Совет по своей природе медлителен. Они не привыкли к внезапным переменам или хорошим событиям, исходящим от внешних факторов. А в данном случае ты прискакал на коне и предложил и то, и другое. К тому же, это ставит нас в положение слабых.

Я наклонил голову. — Как это?

Мортус неловко пошевелился. — Я говорю тебе это только потому что задолжал Неттари. И ты не слышал этого от меня.

— Договорились.

— Хорошо. Починить врата измерения не так просто, как зажечь бра. Для этого требуется определенное мастерство. Что, по стечению обстоятельств…

— Значит, моя просьба об обучении и знаниях практически является предварительным

условием.

— Это одно из них, — сказал Мортус. — Они боятся, что ты возьмешь деньги и сбежишь, так сказать. Не говоря уже о… — Он наклонил голову, раздумывая. — Что Майя рассказала о святилище?

Я покачал головой. — Только то, что это учреждение, в котором инфернaлы обучаются магии. Информация о вашем народе в моём королевстве не слишком доступна, а та, что распространяется… сомнительна.

Мортус торжественно кивнул. — Полагаю, да. Мы все еще крадем души детей, заблудившихся в Эвервуде?

Я подавил смех, вспомнив реакцию Дезирика. — Только если они не слушались своих родителей.

— Да. Души непослушных детей особенно вкусны, — отшутился Мортус.

— После столь долгого пребывания здесь что угодно может быть вкусным, — пошутил я. Мортус засмеялся.

— В одном ты ошибаешься, — сказал он через мгновение. "Святилище" — это не учреждение. Это скорее живое существо. Готов поспорить, ты видел его часть, когда шел сюда. Такое нельзя пропустить.

Я задумался на мгновение. Казалось, что это было вечность назад. Подождите. — Гигантская дыра в земле?

— Мы предпочитаем — пропасть. — Тысяча футов вниз, и достигаешь дна. Это займет больше времени, чем можно подумать. Оно огромное. Оно простирается на сотни миль в каждом направлении и абсолютно изобилует катализаторами, минеральными залежами и природными ресурсами. В возрасте пятнадцати лет каждый инфернал с магическим потенциалом отправляется в паломничество в одну определенную сеть пещер, которую мы называем святилищем.

— Я думал, это школа.

— В некотором роде. Что ты знаешь о дюнных ястребах?

Смена темы сбила меня с толку. — Это птицы? — Мортус бросил на меня неприязненный взгляд, и я стал ломать голову. — Большие птицы. Крупнее большинства орлов. Родом с рунических равнин.

— Величественные существа. Я не видел ни одного бог знает сколько времени. Сторонник жестокой стороны природы и воспитания. Существует миф о том, что птицы выталкивают своих птенцов из гнезда. Это в основном неверно. Дюнные ястребы, однако, являются источником этого мифа. Они мигрируют на равнины, чтобы отложить яйца, и гнездятся на самых высоких деревьях, которые могут найти. Эти ублюдки выбрасывают своих птенцов еще до того, как у них разовьется зрение. Они буквально учатся летать вслепую.

Я подозревал, что знаю, куда он клонит. — Значит, в этой аналогии анклав — это гнездо?

— Конечно, мы гораздо более цивилизованны. Мы не выбрасываем своих птенцов из гнезда. — Мортус мрачно улыбнулся мне. — Мы отправляем их вниз на лифте.

В течение следующего часа Мортус объяснил мне, как функционирует анклав, и почему совет зашел в тупик по вопросу моей отправки в святилище.

Любой инфернал в возрасте до двадцати лет мог войти в святилище и выйти. Это было связано с огромной концентрацией маны. Молодые инферналы могли приспособиться к ней и даже использовать ее для гораздо большей магической отдачи, чем обычно. Но с возрастом организм труднее приспосабливается к пребыванию в среде анклава и окружающего мира. Вступившим в него старше положенного возраста и проведшим там более одного дня грозила смерть. Мастера-практики уходили туда как на заслуженный отдых, и святилище увеличивало срок их жизни, часто до абсурдной степени. Существовали легенды об инферналах в святилище, таких же древних как эльфы. Они обучали тех, кто им нравился, хотя часто за это приходилось платить. Это место было сокровищницей, как в плане знаний, так и в плане реальных сокровищ.

Были, конечно, и минусы. Для начала, это было невероятно опасно. Один из пяти инферналов, вошедших туда, никогда не возвращался, и это были подростки, которые провели большую часть своего детства, готовясь к спуску. Если ты выживал среди монстров и одичавших демонов, то все равно оставалось множество подводных камней и природных опасностей, причем опасность становилась тем сильнее, чем дальше удаляешься от центра. Существовала реальная возможность моей гибели, и если это произойдет, то они окажутся в незавидном положении, когда у них на руках будет мертвый принц. Начнется вторая война.

Более воинственно настроенные лидеры совета опасались, что я могу увезти с собой нечто более ценное, чем знания. Как сказал Мортус, Святилище было почти живым организмом. Когда земля сдвигалась, расположение вещей имело тенденцию к трансформации. Камеры и туннели, заблокированные на тысячи лет, могли внезапно открыться, а известные места — внезапно закрыться. Редко, но вполне возможно было наткнуться на бесценный артефакт. Что бы ни находил вошедший в святилище, оно принадлежало ему по праву. Они не хотели, чтобы давно потерянные культурные сокровища попали в руки людей. Наконец, более нейтральная фракция просто считала, что я не заслужил допуск.

Я спокойно проанализировал новую информацию. Оставалась одна вещь, которая не имела смысла. Я поднял глаза на Мортуса. — Почему они посадили меня сюда?

Его губы опустились вниз. — Это сделал Гемон. Спикер совета. Я сам этого не видел, но, насколько слышал, как только ты стабилизировался, он приказал своим людям перевести тебя из лазарета в эту камеру. Он, что неудивительно, один из тех недальновидных тупиц, которые хотят тебя казнить. Гемон обладает большим влиянием, но не настолько, чтобы это было реальной возможностью.

Я вытаращился, недоверчиво. — Значит, он засунул меня сюда, чтобы поиздеваться надо мной?

— Подозреваю, что Гемон надеялся, что ты превратишься в яростного, бестолкового болтуна перед предстоящим слушанием в совете.

Мое пребывание в камере магуса было трудным, безусловно. Возможно, до всего остального, что произошло, этого было бы достаточно, чтобы отправить меня за грань. Но между тем временем и нынешним было несколько жизней.

— Это слишком тяжело, — добродушно сказал Мортус. Он встал на ноги. — Если ты решишь уйти, никто тебя за это не осудит.

— Нет. Это никогда не было выходом. — Шестеренки в голове начали вращаться. — Я хочу встретиться с советом.

— Так и думал. Очень хорошо. Я буду говорить с советом от твоего имени. Насколько могу судить, ты ни разу не солгал мне, по крайней мере, в том, что касается чего-то важного. Мое слово все еще имеет здесь некоторый вес. Поверенная должна вскоре встретиться с тобой и подготовить к слушанию. К концу дня тебя должны выпустить, и я наконец-то смогу вернуться в святилище, где мне и место.

— Спасибо.

— Будь немного злее. — Он похлопал меня по спине. — Никакой пены изо рта, но Совет хорошо реагирует на небольшое праведное негодование.

Мысль о скором расставании с этим проклятым местом вызвала такое облегчение, что потребовалось мгновение, чтобы определить странность в его предыдущем заявлении.

— Мортус, — сказал я. — Вы возвращаетесь в святилище?

— Да?

— Я думал, вы сказали, что если туда войдет кто-то старше положенного возраста, то он уже никогда не сможет выйти.

— Так и сказал. — Мортус подошел к краю моей камеры и открыл ее. Он бросил самодовольный взгляд через плечо. — Это то, что ты узнаешь о магии, принц. Из каждого правила есть исключение.

Он приостановился у двери, затем одернул рукав. — Ты знаешь этот символ, не так ли?

Теперь, когда я мог видеть его более четко, он был почти выцарапан, а кожа под ним неоднократно подвергалась жестокому обращению и выжиганию.

— Должен. Вот почему стал меня опасаться.

Я перестал дышать. Вероятность того, что мне удастся выбраться из этой камеры, внезапно резко упала, и я содрогнулся.

Глаза Мортуса были печальны. — Не все мы были такими как Барион. Осмелюсь сказать, что большинство в хризалисе когда-то были хорошими людьми. — Он покачал головой. — Ба, это звучит так, будто я оправдываю себя. Это не входит в мои намерения. История длинная и трагическая. Если каким-то чудом ты попадешь в святилище, найди меня. Могу многому тебя научить.

Он ушел, оставив больше вопросов, чем ответов.

Через час прибыла Неттари, чтобы сопроводить меня на заседание совета.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2432248